

УТВЕРЖДАЮ:

**проректор по научной работе
ФГБОУ ВО « Санкт-Петербургский
государственный университет»**

**Туник С. П., доктор химических наук,
профессор**

« 16 » 12 2015 г.

**Отзыв ведущей организации
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования « Санкт-Петербургский
государственный университет» на диссертацию
Лисович Инны Ивановны
«Научные дискурсы в культуре Англии раннего Нового времени»,
представленную на соискание ученой степени доктора наук
по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры
(культурология)**

1. Актуальность темы диссертационного исследования

Феномен научной революции начала Нового времени уже не первое столетие является одной из актуальнейших тем в истории науки, а в последнее время он привлек к себе пристальное внимание историков культуры. Это связано с тем, что, начиная примерно с 1970-х годов, научная революция стала изучаться не только, а со временем даже и не столько, с позиций когнитивной истории науки, сколько в рамках ее социальной истории как социокультурное явление, что обусловлено его сложностью, «многослойностью» и многофакторностью. При этом главное внимание исследователей было привлечено к процессу институционализации нововременной науки (и в особенности к социокультурной детерминации этого процесса), а также к влиянию на ее развитие философского контекста эпохи и религиозного фактора. Куда меньше работ было посвящено взаимосвязям между наукой и литературой/искусством. В данной диссертации автор сосредоточивается на тех аспектах научной революции, которые наименее изучены в мировой и отечественной литературе. Речь идет об исследовании проникновения и встраивания дискурсов нового знания в

английскую культуру XVI – XVII столетий. Диссертантом было убедительно показано, и это подтверждается работами других специалистов, что указанный процесс был бы невозможен без формирования экспериментальных и наблюдательных методов, основанных на новом понимании визуальности и когнитивных способностей человека. Кроме того, рецепция новой философии происходила благодаря научным практикам и институциям, открывшим доступ к новому знанию обычным людям, что также детально рассматривается в диссертации И. И. Лисович.

Таким образом, вопросы, касающиеся «структуры», причин и характера научной революции Нового времени, являющейся интегральной частью интеллектуальной революции XVI – XVII веков, оказываются актуальными, как и тема «Научные дискурсы в культуре Англии раннего Нового времени», сформулированная И. И. Лисович в качестве исследовательской проблемы.

2. Научная новизна диссертационного исследования

Оригинальностью и новизной обладает уже цель исследования И. И. Лисович – соединить между собой историю метода, идей, научных институций, публичного пространства науки, вне- и ненаучные практики (религиозные, эстетические, риторические, жанровые и поэтические) в английской культуре раннего Нового времени, что не было реализовано в современной мировой литературе как самостоятельная цель, выявить методологические, институциональные основания и дискурсивные стратегии проникновения нового научного знания в публичное пространство Англии XVI – нач. XVIII вв. и рецепцию научных дискурсов в культуре.

Истории научной революции XVI – XVII веков, институализации и формированию коммуникативной структуры науки раннего Нового времени, равно как и дискурсивным практикам этого периода посвящена громадная литература, в том числе и английскому контексту указанных явлений. Не претендуя на полноту перечня, можно указать наиболее важные исследования, получившие широкое признание специалистов (историков и культурологов):

Biagioli M. Tacit Knowledge, Courtliness, and the Scientist's Body // Choreographing History / Susan L. Foster (ed.). Bloomington: Indiana Univ. Press. P. 69 – 81;

Eamon W. From the Secrets of Nature to Public Knowledge: The Origins of the Concept of Openness in Science // *Minerva: Review of Science, Learning, and Policy*. 1985. No. 23. P. 321 – 347;

Golinski J. V. Making Natural Knowledge: Constructivism and the History of Science. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1998;

Hunter M. Establishing the New Science: The Experience of the Early Royal Society. Woodbridge: Boydell Press, 1989;

Pumfrey S.P., Dawbarn F. Science and Patronage in England, 1570 – 1625: a Preliminary Study // *History of Science*. 2004. Vol. 42. P. 137 – 188;

Shapin S. The Scientific Revolution. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1996 и др.

Историки науки выявили и описали множество характерных черт и тенденций, присущих научной революции Нового времени. Автор рассматриваемой диссертации особо выделяет формирование в указанный период стратегий открытости (создание открытых научно-образовательных институций, например, академий и научных обществ; публикация научных работ, публичные демонстрации опытов и лекции, а также другие действия, нацеленные на разрушение корпоративной замкнутости и монополии на знание). В итоге, как справедливо отмечает диссертант, «появилась уникальная научно-образовательная среда, открытая для простых горожан» (с. 5).

Естественно, стратегии научного сообщества, предполагающие ориентацию на публичность, утилитарность и открытость, вызывали ответный отклик у представителей самых разных социальных групп, в том числе и не принадлежащих к ученым и институциям, которые производили, транслировали и сохраняли знание. «Горожане не пассивно воспринимали открытия и демонстрируемые эксперименты, они нередко подвергали их критике, артикулировали и сверяли с личным опытом бытия. Благодаря этому взаимодействию постепенно возрастала степень доверия к науке. Уровень критического и скептического восприятия науки, экспансия научных терминов в обыденный язык, восприятие изобретений и открытий в искусствах, которые мы сейчас называем художественными, часто становятся важными свидетельствами степени доступности и понятности знания, доверия к ученым и научным институциям» (там же).

Традиционно историками, специализирующимися на социальной истории науки, рассматривалось воздействие научных достижений и процесса институциализации науки на экономическую, социальную,

военную и политическую жизнь социума, а также их влияние на философскую мысль эпохи. Диссертант в корне меняет ракурс зрения. Она сосредоточивается на рецепции научного знания теми социальными группами, которые не имели отношения к его генерации, а также на обусловленных этой рецепцией явлениях. Действительно, в эпоху научной революции (в последнее время историки науки все чаще используют термин «интеллектуальная революция») нередко имело место соединение в одном тексте «научной информации и ее риторического, художественного воплощения», что, по мнению И. И. Лисович, стало возможным благодаря действию ряда факторов: изменению «познавательного статуса свободных искусств; восприятию мира, в основе которого лежала неоплатоническая идея зримой гармонии и красоты; реабилитации такой конструктивной способности души, как воображение» (с. 7).

Таким образом, внимание диссертанта привлекло не просто использование литературой и искусством тех или иных тем, терминов, образов или сюжетов, навеянных научными открытиями или гипотезами, когда, к примеру, друг Галилея, художник, скульптор, архитектор и инженер Лодовико Карди по прозвищу Чиголи [*L. Cardi da Cigoli*; 1559–1613], создавая в 1612 году в капелле Боргезе (*Cappella Paulina*) римской церкви Санта Мария Маджоре (*Sta. Maria Maggiore*) купольную фреску, изобразил лунную поверхность, на которой стоит Мадонна, неровной, в соответствии с тем, какой ее увидел в телескоп Галилей; или, – другой, английский пример, – когда Д. Донн и У. Шекспир использовали научные термины, факты или достижения в своих стихах и пьесах. (Примеров подобных исследований можно привести много, ограничимся только наиболее известными: *Chen-Morris R.* “The Quality of Nothing:” Shakespearean Mirrors and Kepler’s Visual Economy of Science // *Science in the Age of Baroque* / ed.: O. Gal, R. Chen-Morris. P. 99–118; *Spiller E.* Shakespeare and the Making of Early Modern Science: Resituating Prospero’s Art // *South Central Review*. 2009. No. 26. 1&2 (Winter and Spring). P. 24–41; *Coffin C.* John Donne and the New Philosophy. N.Y.: Humanities Press, 1937 (Rpt.: 1958); *Willard T.* Donne’s Anatomy Lesson: Vesalian or Paracelsian // *John Donne Journal*, 1984. Vol. 3. No 1. P. 25–62. [Другие примеры в изобилии указаны в работе И. И. Лисович]).

Диссертант же ставит вопрос глубже. Справедливо отмечая, что на заре Нового времени «...наблюдается активное “переписывание” и “присвоение” поэзией, живописью и графикой научных дискурсивных

практик», в результате чего сложилась уникальная ситуация, когда «поэзия, драматургия, живопись и графика, популярные жанры эмблемы и аллегории, вбирают научные идеи и язык, а научные дискурсы встраивают в себя эмблемы, риторику и язык поэзии в предисловиях и посвящениях к научным трудам», когда «нередко сами ученые пишут поэмы на научные темы и разрабатывают изображения на фронтисписах к своим работам, чтобы отразить идею книги», происходит то, что удачно охарактеризовано ею как «размывание дискурсивных границ» (с. 7 – 8).

Диссертант в своем анализе опирается на интерпретацию понятий «дискурса» и «эпистема», предложенную М. Фуко, а именно: эпистема представляет собой «упорядоченное определенным способом дискурсивное поле возможностей и оснований позитивного знания, существующего в определенную эпоху, которое не всегда подчиняется критериям рациональности и объективности». (В приведенной цитате диссертант своими словами излагает соответствующий фрагмент монографии М. Фуко: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с франц. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вст. статья Н. С. Автономовой. СПб: Academia, 1994. С. 34 – 35). Указанная интерпретация позволяет, в частности, «рассмотреть производство дискурса, его селекцию, организацию и переписывание в дискурсивном поле возможностей и оснований нового научного знания» (с. 11).

Таким образом, вырисовывается структура объекта диссертационного исследования: имеются, с одной стороны, наука и научное сообщество (пусть даже *in statu nascendi*), которое является генератором (если угодно, донором) соответствующей информации, относительно объектов и явлений природы, а с другой, имеется широкая («обычная») публика (конечные реципиенты этой информации), и между ними посредники (медиаторы) – писатели, поэты, живописцы и т. д., которые играют не только роль «фильтрующей мембраны» или селектора нового знания, но и перекодируют его в формы, адекватные для восприятия вненаучной частью социума. Такая постановка вопроса также является важным компонентом новизны данного диссертационного исследования.

Исследовательская проблема, которую ставит перед собой диссертант сводится, таким образом, к следующему: как в Европе XVI – начала XVIII веков «публичные коммуникативные площадки влияют на репрезентацию и рецепцию обычным человеком нового научного

знания» (с. 8)? Разумеется, в ходе решения проблемы путем анализа дискурсивных практик раннего Нового времени, она распочковывается на целый ряд конкретизирующих вопросов: «...какие коммуникативные стратегии избирают ученые и научные общества, чтобы сделать новое знание открытым? какие идеи и дискурсы отбираются для рецепции?» (с. 12) и т. д.

Но фактически диссертант в своем исследовании решает еще одну, в известном смысле более важную задачу (не заявленную прямо в начале работы, но отраженную в выводах), в чем также проявляется новизна ее работы: анализ попыток человека, оказавшегося в ситуации смены парадигм, вписать новое знание и новые методологии в систему традиционных представлений и мировоззренческих ориентиров, т. е. анализ попыток встроить новое знание в наличные повседневные представления и практики, что вело к созданию «компромиссных воображаемых картин мира» (с. 405). Как известно, и в социальных, и в интеллектуальных революциях целеполагающий идеал (своего рода социокультурный аттрактор) видится не в будущем, а в прошлом (ибо там, в традиции, находятся ментальные и дискурсивные ресурсы для формирования этого идеала).

3. Значимость полученных автором диссертации научных результатов

Значимость представленного к защите исследования определяется прежде всего тем, что диссертанту удалось на материале нововременной научной революции (в ее британской «ипостаси») убедительно показать роль неоплатонического витального дискурса, на основе которого формировались представления о Вселенной, обществе и человеке. Репрезентация мира как живого органического целого (*corpus*), подчиненного законам пропорции, гармонии и красоты, решало в культуре XVI – XVII веков две задачи:

- открывало возможность познавать законы мира;
- позволяло удержать синкретический образ Вселенной и сохранить синкретичность мышления, тем самым «перекинув мостик» от неоплатонизма и христианской теологии к новым открытиям.

Автор диссертационного исследования исходит из того, что процесс дискурсивного взаимодействия в рамках свободных искусств «...не был линейным, нормированным, ориентированным на прогресс в силу того, что открытая научно-образовательная среда только

формировалась и сама испытывала влияние доминирующих или модных дискурсов» (с. 12) (т. е. основные культурные практики и отрасли научного знания, которые производят доминирующий дискурс, определяют и изменяют представление об эпистеме в рассматриваемый период). Последнее обстоятельство (анализ сложного социокультурного явления, понимаемого как нелинейный процесс) также определяет методологическую и содержательную значимость диссертации И. И. Лисович для культурологии (и вообще для гуманитарных исследований), а также новизну ее подхода.

При такой постановке проблемы возникает необходимость детального изучения влияния научных дискурсов на разнообразные нерационализованные формы (тропы, стили и жанры в искусстве поэзии, драмы, живописи и графики и т. д.).

Использование данной формы поликонтекстуального подхода, учитывающего разные вектора развития научных практик и представлений, дало возможность диссертанту сформировать совершенно иной образ анализируемого исторического периода.

Концептуальной основой диссертации служит тщательно проанализированный автором пул отечественных и зарубежных исследований, посвященных социокультурным аспектам научной революции XVI – XVII веков в ее английском преломлении (с. 13 – 36).

В первых главах основной части диссертации (глава I: «Дискурсивно-методологические основания открытого научного знания в Англии раннего Нового времени» и глава II: «Репрезентация научных сообществ в культуре Англии раннего Нового времени») основные тематические блоки посвящены рассмотрению двух вопросов:

- соотнесенности научного дискурса с поэзией и риторикой;
- «встречное» движение двух тенденций: запрос на новое научное знание у широкой публики и осознание научным сообществом необходимости формирования открытого публичного пространства науки («открытого модуса науки», по выражению диссертанта (с. 155)), однако, при условии сохранения за ученым сообществом монополии на производство знания и его преподавание.

Что касается первого вопроса, то, как показано в рецензируемой работе, ко второй половине XVII столетия витальные образы мира (платонические по своему генезису) постепенно исчезают или уходят в интерьер научного творчества (примером чему может служить творчество И. Ньютона). Научный дискурс освобождается от влияния

политического, идеологического и эстетического факторов, и в немалой степени под воздействием эстетических норм классицизма научный стиль обособляется от поэтического и риторического. Однако это вовсе не означает, что между научной и, скажем, поэтической сферами образуется непроходимый барьер. Наоборот, английская поэзия, как показано в диссертации (главным образом, на примере произведений М. Кэвендиш), начинает осваивать научный дискурс. Более того, «...часто средневековое и античное знание не отвергается даже революционерами, в него встраивается новое: так оно служит основанием и отправным авторитетом для нового. В данном случае корректно говорить не об эпистеме или “наложенных друг на друга эпистемах” (так как последнее высказывание демонстрирует модернизацию), а о проращении эпистемы Нового времени из (в) эпистемы(е) Средних веков» (с. 127).

Что касается второй из отмеченных выше тенденций, то важнейшим итогом указанного выше «встречного движения» (переориентации научного сообщества на публичность, утилитарность и открытость научных достижений для людей и социальных групп, не принадлежащих к ученым и институциям и растущей потребности этой вненаучной части социума в результатах научных изысканий) стало учреждение Грэшем-колледжа (Лондон, в отличие от других западно-европейских столичных городов, не имел собственного университета), где «грубому народу» (купцам, морякам, ремесленникам, деловым людям) прививали бы вкус к знанию для их же пользы. В диссертации детально рассмотрена история и характер деятельности Грэшем-колледжа как утилитарного образовательного учреждения (с. 164 – 187). Однако реализации целей этого учреждения, как показывает И. И. Лисович, мешали многие обстоятельства и не в последнюю очередь чрезмерный акцент на «плодоносном знании» («ремесленный утилитаризм», по терминологии диссертанта (с. 181)), а также «корпоративная экспансия города в развитие науки» (с. 185). В итоге, энтузиастам движения «за науку» стало ясно, что необходимо создать новую структуру, которая находилась бы под королевским патронатом, а не контролировалась бы «людьми из Сити», и была бы ориентирована на собственно научную проблематику («экспериментальную философию»), при сохранении традиции публичной репрезентации нового знания в общедоступной форме.

Превосходное по обилию использованного материала и глубине анализа рассмотрение деятельности Грэшем-колледжа позволило

диссертанту сделать важный вывод, согласно которому этот колледж совершил «переворот в области образования и науки как социальных институтов, создание и контроль за которыми были привилегией монархии, дворянства, аристократии и экономической элиты. В случае с Грешем-колледжем для продвижения и развития научного знания использовалась риторика общего корпоративного блага, причем доступ горожан к знанию был получен через обоснование его практической пользы, что казалось достаточно безопасным неоплатоникам, университетам и церкви. Грешем-колледж заложил фундамент для появления ЛКО (Лондонского Королевского общества), создал социальную почву в Англии для принятия обществом нового образа мышления, новой профессии, нового знания, демонстрационные и печатные формы репрезентации. <...> Дальнейшее развитие научных и образовательных институтов будет колебаться между этими двумя полюсами – средневековой университетской моделью и Грешем-колледжем: корпоративной замкнутостью и открытостью, самоценностью и утилитарностью научного знания, социальной маргинальностью и востребованностью ученого» (с. 184).

Этот вывод послужил диссертанту основанием для последующего обращения (в разделах 2.2 и 2.3) к вопросу об образе и социальном статусе ученого в Англии начала Нового времени. Здесь особый интерес представляет вывод автора о том, что визуализация образов ученых, научных практик и сообществ, равно как и представление о людях науки и их достижениях в стихотворной форме, способствовали заметному повышению статуса ученого, а благодаря концепту «гения» (ученый как гений, открывающий божественные законы) «в гуманистическом риторическом дискурсе формируется высокий статус ученого на фоне недоверия к занятиям наукой среди необразованных или скептически настроенных людей» (с. 236). Более того, несмотря на критически-насмешливое отношение к ученым, благодаря успехам науки и укреплению ее институциональных позиций к началу XVIII века, формируется «эталон ученого-гения-мастера, воплощением которого становится Исаак Ньютон» (с. 237).

Публичная репрезентация научных результатов включала в себя не только развлекательную, но и более важную – просветительскую компоненту. Иными словами, между ученым-лектором и «демонстратором» с одной стороны и зрителями/слушателями-непрофессионалами (в сфере науки) устанавливались отношения по модели отношений «учитель-ученик». Поэтому вполне логично

диссертант в последнем разделе второй главы (2.4: «Учитель и ученик: репрезентация эпистемологического дискурса как витального в европейской и английской культурах») обращается к анализу этой модели и ее трансформации в Англии XVI – XVII веков. Диссертант (в полном соответствии с фуколдианской традицией) отмечает, что в отношениях «учитель – ученик» «манипулирование объектом инкультурации происходит при помощи регламентирования режима доступа к знанию» (с. 255). Причем в нарративах об отношениях между ними часто проступают контуры религиозной оппозиции «Творец – творение». В качестве примеров ситуации «учитель как отец» автор детально рассматривает отношения Сильвия и Везалия («Сильвий, будучи агентом вторичной инкультурации, апроприирует статус и функции отца – агента первичной инкультурации, – отождествляя переданные Везалию знания с доступом к жизненно необходимым ресурсам. И поскольку он заложил основы его образования и «создал» его как врача, то требует лишить отступника должности лейб-медика императора» (с. 260)), а также отношения Барроу и Ньютона, которым удалось сохранить преемственность научного знания и хорошие личные отношения (с. 255 – 262).

Большой историко-культурный интерес представляет также подраздел «Учитель и ученики в открытых публичных пространствах: Грэшем-колледж и Я. А. Коменский» (с. 262 – 270). Вывод, к которому приходит диссертант в результате анализа обширного и разнообразного материала, состоит в том, что, *во-первых*, «...в начале Нового времени формируются новые принципы взаимоотношений между обучающим и обучаемым в открытых публичных образовательных пространствах» (с. 262), что иллюстрируется на примере Грэшем-колледжа, где «...не существовало такого понятия и явления как “студент” со всеми вытекающими обязанностями и регламентом (платой за обучение, необходимостью присутствовать на занятиях и сдавать экзамены)» и вместо студентов там были «вольные слушатели (капитаны кораблей, купцы, ремесленники и т.д.), которые из-за специфики своей профессии не всегда имели возможность регулярно посещать лекции» (с. 262), а *во-вторых*, «...в основе понимания отношений “учитель – ученик” в раннее Новое время лежат виталистские представления, согласно которым, учитель продолжает и развивает способности, данные от Творца, природы и родителей», а поскольку учитель и ученик продолжают мыслиться «как часть корпоративного социального тела (цеха)», риторика общего блага, описывающая модели их

взаимодействия, «разворачивается по аналогии “Творец – творение”, “отец – сын”, “Солнце – Земля”, “садовник – сад”, “художник – холст” и в конечном пределе предполагает модель обучения, основанную на любви, гармонии и пользе» (с. 270).

Глава III «Рецепция научных представлений в поэзии Англии раннего Нового времени: от микро- к Макрокосму» посвящена частным примерам рецепции идей витализма, неоплатонизма, алхимии, меланхолии, гелиоцентризма и магнетизма в английской поэзии рассматриваемой эпохи. Диссертант в качестве примеров анализирует поэтические произведения Ф. Сидни, Дж. Донна, У. Шекспира и Б. Джонсона. В разбираемых текстах («Астрофил и Стелла» Ф. Сидни, «*La Corona*», «Анатомия мира» и «Страстная Пятница 1613 года. Уезжая на Запад» Дж. Донна, «Магнетическая Леди» Б. Джонсона, «Тимон Афинский» У. Шекспира) автор выявляет контрапункт различных дискурсов: натурфилософского, религиозного, неоплатонического.

Почему диссертант посвящает значительную часть своей работы (с. 271 – 384) указанной теме? Главная причина состоит в том, что научный дискурс оставляет «за сферой своей рефлексии божественный план познания» (с. 43), тогда как литература (поэзия в первую очередь) и живопись восполняют эту потерю, связывая воедино метафизический и натурфилософский ракурсы. Автор демонстрирует тонкий филологический и культурологический анализ указанных произведений в контексте отражения в них интеллектуальной ситуации, связанной со становлением нововременной науки и научной методологии. Разумеется, поэтические образы отражают личностные переживания человека и именно через призму этих переживаний поэт описывает природные явления и объекты (например: переживающий любовную драму Астрофил обращает свой взор на небо и обнаруживает, что небесный мир также как и земной подвержен порче, гордыни, презрению к Любви; его любовь к Стелле, поведение которой соответствует суточному ритму Солнца, – это «аллегория интеллектуального познания, припоминания своего метафизического приюта» (с. 299); вектор духовного восхождения лирического героя Джона Донна («*La Corona*») вписывает индивидуальный путь искупления во всемирную гармонию (с. 287) и т. д.). Интерес диссертанта к натурфилософским аспектам английской поэзии XVI – XVII веков обусловлен тем, что в эпоху, про которую Дж. Донн написал известные строки:

Все в новой философии сомненье:
 Огонь былое потерял значенье.
 Нет Солнца, нет Земли – нельзя понять,
 Где нам теперь их следует искать...
 Так много нового, мир обречен,
 На атомы он снова раздроблен.
 Все рушится, и связь времен пропала,
 Все относительным отныне стало...,

поэтическое слово «откликается на слово науки о Вселенной, перенося его в пространство души и разрешая проблему личного спасения в свете новых открытий человеческого ума и зрения» (с. 319).

Другой пример, также рассмотренный детально в диссертации (раздел 3.5), – развитие анатомии благодаря практике вивисекции. Как отмечается диссертантом, «...метод анатомии, положивший начало наблюдательной медицине, благодаря публичным и судебным вскрытиям проник в культурные практики раннего Нового времени. Он стал использоваться как образец тщательного анализа и иллюстративного воспроизведения тела, будь то тело животного, человека, социальное тело или тело мира. И если У. Харви (Гарвей) через уподобление нисходил от тела Вселенной, социального тела к человеческому и телам животных, а Р. Бойль рассматривал животных как “живые автоматы”, то Дж. Донн по аналогии с вивисекцией живого организма анатомирует тело мира при помощи “*wit*”» (с. 384).

Итак, каковы же главные результаты диссертационного исследования И. И. Лисович?

Подводя итог своей работе (см. «Заключение»; с. 385 – 405), автор исходит из двух общих утверждений, которые имеют для нее принципиальную значимость:

– в эпоху научной (а точнее, интеллектуальной революции) в Англии формируются «современные типы и проекты научных и образовательных институций и способы открытой коммуникации, что позволило преодолеть монополию корпораций на знание и открыть доступ к нему. Это повлекло за собой рефлекссию над научным знанием и открытиями не только в среде ученых, но и художников, поэтов и простых горожан» (с. 385);

– «научная революция и расцвет ренессансного искусства во многом связан с неоплатонизмом эпохи Возрождения. <...> Гуманисты раннего Нового времени воспринимали себя продолжателями утраченного или искаженного древнего знания, поэтому их научная деятельность и,

соответственно, научная революция началась с точного перевода на латинский язык и комментирования Платона и неоплатоников. Они противопоставили схоластическому авторитету Аристотеля авторитет Платона с его метафоричностью, мифологизацией, открытостью путей познания для воображения. XVI–XVII вв. – время расцвета неоплатонизма, который проникает не только в художественный язык живописи, поэзии, драматургии, романа, но и в публичную политическую риторику, герметизм, каббалу, научные трактаты и когнитивные практики в целом» (с. 385).

Заметим, что диссертант связывает платонизм не только с мистикой и герметизмом, как это обычно делается в литературе, но рассматривает и другие его грани, отмечая, в частности, его «геометрическую составляющую», благодаря которой геометрия (шире – математика) стала «связующим звеном между астрономией, геодезией, физикой и алгеброй» (с. 385), с одной стороны, и миром идей и чувственно воспринимаемым миром – с другой.

И далее в «Заключении» формулируются главные выводы диссертации (правда, не «по пунктам», как это будет сделано ниже, а общим текстом). Наиболее значимыми результатами диссертации И. И. Лисович являются следующие (цитируются в авторской формулировке с указанием страниц «Заключения»):

1. К середине XVI века требование «тщательного вскрытия и рассмотрения самих вещей» становится императивом для исследователей природы, причем в этой процедуре основным познавательным и обучающим инструментом признается глаз. Зрению придается когнитивный научный статус (с. 386).

2. Антропоморфная модель репрезентирует себя и в строении мира через уподобление микро- и макрокосма, столь любимое в искусстве XVI – XVII вв. Антропоморфные образы встраивались в географические карты, поэтические концепты, теологические построения, где мир был репрезентирован единым живым целым. Витализм встраивался в описание политической и социально-корпоративной иерархии, риторически поддерживая устройство общества в целом и отдельных его сословий, цеховых организаций, подчеркивая идею естественного органического порядка, в который включено тело отдельного человека (с. 388).

3. В XVI – XVII вв. происходит постепенное смещение репрезентации тела от виталистского восприятия в сторону физико-математического абстрагирования. Тем не менее, в культуре XVI–XVII

вв. мы находим последние попытки создать метафору цельного органического Универсума, построенного на неоплатонической и герметической аналогии макро- и микрокосма. Поэты и художники связывают научное знание и барочное мироощущение в едином художественном образе – метафоре-концепте (кончетти). В раннее Новое время ученые в своих практиках часто не проводили границ между гуманистическими и натурфилософскими штудиями. Это стало основой взаимопересечения интересов ученых, поэтов и художников, что привело к смешению и совмещению поэтического и научного дискурсов (с. 388 – 389).

4. Особую роль в начале Нового времени приобретает создание специальных научных и образовательных институций, которые не только производят знание, но и открывают обществу доступ к нему, таких как академии Ренессанса, Грэшем-колледж, Лондонское королевское общество и Королевская академия в Париже, где память общества формируется посредством приобщения к идеям, полученным в результате научного исследования. Этот вид памяти становится востребованным в публичном пространстве раннего Нового времени, которое рассчитано на обучение новому прикладному знанию обычных людей, не составляя угрозы для посвященных в тайны мира неоплатоников, а, наоборот, позволяя менять общество (с. 390 – 391).

5. В раннее Новое время дискурс пользы и блага постепенно начинает смещаться с божественной телеологии к социальным целям, хотя божественная перспектива знания еще остается, а моральное понятие блага восходит также к телеологическим концепциям Платона и Аристотеля. Дискурс корпоративной пользы становится основой формирования не только национального самосознания и солидарности, но и стратегией, которая позволила осуществить научную революцию (с. 391).

6. Дискурс пользы от науки был вписан в витальные представления об обществе и человечестве как целом живом организме, где каждая его составляющая выполняет определенную функцию (с. 391).

7. В Европе раннего Нового времени среди горожан возникает социальный, политический и экономический запрос на знание, но центрами образования и формирования нового экспериментального знания, становятся не университеты, а постуниверситетские или альтернативные университетам институции, возникающие первоначально под патронажем правителей (с. 392).

8. Методологические и институциональные проблемы познания, репрезентированные в публичном пространстве, становятся в раннее Новое время предметом лично окрашенной поэтической рефлексии, проецируются на пространство познающего субъекта (с. 398 – 399).

9. Анатомический дискурс претерпевает существенное изменение на протяжении XVI – XVII вв. в зависимости от представлений о том, насколько человеку со скальпелем позволено вмешиваться в работу Бога и природы. На его горизонте всегда находились религиозные и моральные требования, поскольку макро- и микрокосм еще мыслились связанными через Великую Цепь Бытия (с. 404).

10. Современное научное узкоспециализированное секулярное знание благодаря опыту раскрыло многие загадки мироздания и обрело свой язык в терминологической точности. Но вместе с религиозностью и неоплатонизмом была утрачена синкретичность, сакральность знания и соответствующий им язык тропов. Метафорический язык был одной из последних попыток удержать эту синкретичность мышления, поскольку язык тропов и концептов позволял сохранить связь неоплатонизма и христианства с естественнонаучными открытиями своего времени (с. 405).

Резюмируя научную значимость исследования И. И. Лисович, следует также подчеркнуть, что в истории культуры проблемы, затронутые в ее диссертации (в частности, проблема открытости науки), не раз были связаны с обсуждением вопросов, касавшихся последствий рецепции науки в культурном пространстве. Среди них можно выделить следующие: в каких пределах и как возможно сделать знание доступным для всех? как осуществляется взаимодействие между научным и обыденным языком в процессе дискурсивной практики? какие визуальные, вербальные и институциональные стратегии можно использовать для продвижения знаний в социокультурном и политическом пространстве? насколько демократичны и самоуправляемы научные институции? в какой мере общество доверяет ученым, и как можно влиять на восприятие открытий обычными людьми? Поэтому глубокий анализ научных дискурсов в Англии начала Нового времени имеет не только историко-культурное и историко-научное значение (что само по себе крайне важно), но и служит идейным ресурсом для анализа современных культурологических проблем, связанных с наукой как социокультурным феноменом.

Результаты исследования могут быть использованы в научной работе историками, философами и культурологами, при чтении междисциплинарных курсов по истории науки, культуры и литературы Англии XVI – нач. XVIII веков, разработке и экспертизе проектов по формированию в городской среде современных открытых научно-образовательных коммуникативных площадок и сообществ по популяризации научных теорий, достижений и открытий.

4. Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования

Основные положения и выводы диссертации И. И. Лисович опираются на проведенный ею обстоятельный анализ как широкого круга первоисточников, так и исследовательской литературы, в том числе и современной. Кроме того, автор использовала широкий спектр культурологических, философских и историко-научных концептуализаций, что позволило ей критически осмыслить сделанное в современной литературе по научной революции начала Нового времени и развить свой оригинальный подход, о котором было сказано выше. Методологической базой исследования И. И. Лисович стал синтетический междисциплинарный, а также поликонтекстуальный подходы к анализу исследуемого социокультурного феномена.

Таким образом, предложенный И. И. Лисович методологический инструментарий, а также широкое, системное и вдумчивое использование ею первоисточников и исследовательской литературы, которыми насыщена ее диссертация, позволяет проверить наблюдения и заключения исследователя, повторить пройденный ею путь, подтвердить или опровергнуть ее выводы. Это обстоятельство позволяет утверждать, что результаты диссертационного исследования И. И. Лисович обоснованы и достоверны.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета. Основные положения диссертации отражены в более 50-ти научных публикациях автора: в монографии, статьях, в том числе изданных за рубежом, из них 17 изданы в рецензируемых журналах, входящих в список рекомендованный ВАК, 3 – в систему РИНЦ. Значительное количество публикаций вышло в культурологических изданиях («Обсерватория культуры», «Диалог со временем», «Вопросы литературы», «Вестник Казанского государственного университета

культуры и искусств», «Знание. Понимание. Умение», «Адам и Ева», серия «Литературные памятники» изд-ва «Наука» и др.).

Результаты исследования и материалы диссертации были представлены на более 30 международных и всероссийских научных конгрессах, конференциях, симпозиумах и круглых столах: «Пуришевские чтения» (МГПУ им. В.И. Ленина, 2000, 2006), «Образование и религиозное воспитание: формирование конфессиональных идентичностей в Европе от поздней античности до XIX в.», (ЦИИКА ИВИ РАН, 2009), «Что такое предательство? Моральные представления о нарушении лояльности как предмет исторического изучения» (ИВИ РАН, ГПИБ, 2010), «Синтез документального и художественного в литературе и искусстве» (КГУ, 2010), «Пирровы чтения» (СГУ, 2010, 2011, 2012, 2013), «Шекспировские чтения» (РАН, ГИИ, МосГУ, РГНФ, 2010, 2012, 2014); «Шекспир и культура возрождения. Европейский петраркизм» (РГГУ, 2010); «Европейская комедия на рубеже 16–17 вв.: открытие современности» (РГГУ, 2011); «Иностранные языки в современном мире» (К(П)ФУ, 2011), «Стратегии вербализации и визуализации социокультурных практик» (КазГУКИ, 2011), «Художественный текст и культура» (ВГУ, Владимир, 2011), «Образование для XXI века» (МосГУ, 2011), «Пути России. Новые языки социального описания» (РАНХИГС, МВШСиЭН и МАЦСН, 2012), «Дискурс тела в европейской культуре» (ОНПУ, Одесса, 2012), «Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии» (К(П)ФУ, 2012), «Платон и платонизм в европейской культуре» (РАШ РГГУ, СПб ПФО, НИУ ВШЭ, 2012), «Междисциплинарные исследования культурной памяти: поиск альтернативных подходов» (К(П)ФУ, Казань, 2013), «Современные методы изучения культуры» (РГГУ, 2013), «Национальное и конфессиональное в английской и русской литературе и культуре» (К(П)ФУ, 2013), IV Культурологический конгресс (СПбГУ, РИК, РГГУ, 2013), «XVIII век: топосы и пейзажи» (МГУ, 2014), «2-я и 3-я платоновская конференция» (РГГУ, 2014, 2015), «Роль факта и воображения в конструировании художественных и виртуальных миров шекспировской Англии» (РАН, ГИИ, МосГУ, РГНФ, 2015).

5. Недостатки и замечания

Теперь следует сказать о недостатках диссертационной работы И. И. Лисович. Главный из них касается формы репрезентации и организации материала. Учитывая сложность исследуемого объекта и выбранной методологии анализа, автору необходимо было бы большее внимание уделить ясности плана изложения и логической необходимости перехода от одной темы к другой. В качестве примера обратимся к главе II. После раздела «Грэшем-колледж и формирование публичного модуса научного знания в Англии раннего Нового времени», логичность появления которого не вызывает никаких сомнений, следуют три раздела («Визуализация ученого, научных сообществ и практик в английской культуре раннего Нового времени», «Ученый в культуре Англии раннего нового времени: гений и/или мастер?», «Учитель и ученик: репрезентация эпистемологического дискурса как витального в европейской и английской культурах») тематика которых неочевидна и логичность их появления выявляется только после тщательного анализа текста диссертации. Видимо, автору необходимо было в начале работы четко изложить ее план с обоснованием необходимости включения каждого раздела и их последовательности, что облегчило бы чтение текста.

Далее, диссертант, как уже отмечалось, использует солидную литературную базу. Однако, некоторые важные работы (важные именно для ее исследования) не были ею охвачены. Приведем только один пример. Диссертант отмечает, что девиз Лондонского Королевского общества, – «*Nullius in verba*», – «свидетельствует о приоритете демонстрации эмпирического знания также и над его вербальной репрезентацией» (с. 125). Однако ситуация, сложившаяся в ЛКО, была много сложнее, о чем убедительно написано в статье П. Диара (П. Диа) (*P. Dear*) с выразительным заглавием: “*Totius in Verba*”: Rhetoric and Authority in the Early Royal Society // *Isis: A Journal of the History of Science*, 1985. Vol. 76. Pp. 144 – 161. Как ни парадоксально, но именно критическая оценка реальной практики работы ЛКО, данная в этой работе, могла бы послужить дополнительным доводом в пользу выводов диссертанта. Можно привести и другие подобные примеры.

Однако указанные недостатки, разумеется, никак не могут повлиять на общую высокую оценку новаторской диссертации И. И. Лисович, которая представляет собой целостное и завершенное исследование.

6. Заключение по диссертации И. И. Лисович

Диссертация И. И. Лисович «Научные дискурсы в культуре Англии раннего Нового времени», представленная в Диссертационный совет Д.212.198.06 при ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по своему содержанию, структуре, завершенности, обоснованности выводов и научной значимости полностью удовлетворяет требованиям ВАК п. 9 Положения «О порядке присуждения учёных степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года и соответствует следующим пунктам Паспорта специальности 24.00.01 – Теория и история культуры: 1.3. Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов; 1.14. Возникновение и развитие современных феноменов культуры; 1.16. Традиции и механизмы культурного наследования; 1.17. Компоненты культуры (наука, мораль, мифология, образование, религия, искусство); 1.22. Культура и национальный характер; 1.30. Художественная культура как целостное образование, ее строение и социальные функции; 1.32. Система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре; 1.33. Институты культуры и их функции в обществе; 1.34. Культура профессиональных сфер деятельности (правовая, политическая, экономическая, административная и др.) и содержанию (формуле) специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры»: «исследование проблем современного состояния теории и истории культуры на ее различных исторических этапах. Основными объектами научных исследований в области указанной специальности являются результаты культурной деятельности народов, стран и континентов с момента возникновения различных культур в Эпоху Возрождения и до наших дней, процесс вовлечения человека в мир культуры и социально-культурное творчество как область науки и социальной практики».

Автореферат соответствует основному содержанию и положениям диссертации. Основные результаты диссертационного исследования И. И. Лисович опубликованы в должном объеме, как в форме научных статей, так и в виде научной монографии.

На основании вышеизложенного, диссертация соответствует квалификационным требованиям, а ее автор Инна Ивановна Лисович заслуживает присуждения степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – «Теория и история культуры».

Отзыв составлен доктором химических наук (по специальности 07.00.10 – история науки и техники), профессором И. С. Дмитриевым, обсужден и утвержден на заседании Кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» 10 декабря 2015 года, протокол №90.08/14-04-15

«16» декабря 2015 г.

Заведующий кафедрой культурологии,
философии культуры и эстетики
Санкт-Петербургского государственного
Университета, д.ф.н., профессор,

Соколов Б.Г.

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

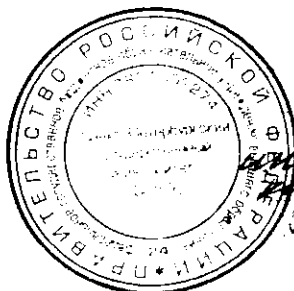
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Сайт: www.spbu.ru

Кафедра культурологии, философии культуры и эстетики СПбГУ

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия д. 5.

Тел. (812) 328-94-21, доб. 1826, e-mail: b.g.sokolov@spbu.ru

Соколов Б.Г.

Вручен А. Шинкина Т.О.
10 декабря 15